

Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в 1900–1914 гг.

Материальное положение учителей дореволюционной России относится к числу тем, далеко не изученных. В трудах, посвящённых образованию XIX–XX в., этот аспект рассмотрели в контексте жизни провинциальной интеллигенции [23, 31]. Т. А. Вепренцев [6], И. В. Зубков [21], Т. В. Филоненко и А. В. Шпилова [29] описали жизнь учителей земских школ европейской части Российской империи, за рамками исследований остались школы Дальнего Востока и Сибири. Газета "Владивосток" (1898 г.) писала: "в нашей стране забота о народном образовании возложена целиком на земства, в Сибири и на Дальнем Востоке, где названные учреждения ещё не привиты, общий надзор и ведение этого дела сосредоточено в руках административных властей" [8, с. 11].

История дальневосточного школьного образования изучена достаточно хорошо. С. В. Литвинова [25], О. Б. Лынша [26], Т. З. Позняк [28], Д. А. Ткаченко [28] описали повседневную жизнь городских учителей. Однако не проводился сравнительный анализ повседневных проблем сельских и городских педагогов, цен на основные товары и продукты; не выявлялись факторы, негативно отражавшиеся на качестве жизни педагогов; не сравнивалось жалование разных категорий учителей (законоучителей, преподавателей, народных учителей и их помощников). Цель статьи – на материалах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока раскрыть вышеперечисленные аспекты.

В ходе освоения Тихоокеанского побережья России во второй половине XIX в. – начале XX в. расширялась сеть школ. К 1909 г. в 146 селениях края открылось 55 школ трёх типов: 95 церковноприходских, 43 министерских и 17 казачьих (в крупных сёлах работало по две школы разных ведомств) [17, с. 463].

Быстрый рост школ привел к дефициту кадров, поскольку педагогические учебные заведения в крае отсутствовали. "Нет учителей и совсем неоткуда их брать, – писал епархиальный наблюдатель, – долгое время это будет тормозить успех школьного дела" [13, с. 98]. Педагогов "выписывали из России". "В крае нет ни одного учебного заведения, которое бы занималось подготовкой молодых людей к учительству. Особенно трудно замещать учительские должности лицами образованными и знающими дело. Приходится приглашать учителей из коренных русских губерний, а это не всегда возможно, требуются деньги, которых недостаточно" [14, с. 271]. Современник писал: "почти все учителя – народ пришлый, приехавший в край в погоне за заработком, за местом и вообще "за счастьем". Они рьяно берутся за дело, но через два-три года уходят из школы в погоне за "лучшим местом", в поисках более высокооплачиваемого жалования" [15, с. 409]. Это явление приобрело массовый характер. Среднегодовое жалование учителей составляло от 160 до 780 рублей в год.

Можно выделить группы педагогов, годовой доход которых равнялся 300, 400, 500 и 600 рублей (за 10 месяцев работы), т.е. от 30 до 60 рублей в месяц. Эти цифры соответствуют данным на 1900 г. Согласно статистическому отчету, "в 1900–1901 учебном году: 18 человек получали жалование равное 300 рублям в год, 22 – 400 рублей в год, 18 – 500 рублей в год и 13 чело-

Таблица 1. Оклады учителей Южно-Уссурийского края (на 1907 г.).

Тип школы	Размер оклада (в рублях, в год)																					
	780	720	700	660	600	550	540	520	510	500	480	450	420	400	360	350	320	300	240	200	180	160
Св. Синод	-	1	2	-	23	3	2	1	1	9	6	1	4	9	4	1	2	16	4	9	-	1
Министерство народного просвещения	1	-	9	1	2	-	-	-	-	61	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Казачьи	-	-	1	-	4	-	-	-	-	4	-	-	-	3	-	-	-	1	-	-	1	-

Количество учителей, получающих оклад (в рублях, в год)

Источник: [16, с. 456].

Таблица 2. Оклады разных категорий школьных работников (1900–1909 г.).

Категория школьных работников / Тип начальной школы	Размер оклада (в рублях, в год)		
	законо-учитель	учитель / учительница	помощник учителя
Школа грамоты Св. Синода	30	160-400	50-100
Одноклассная церковноприходская школа	50	200-600	100-150
Одноклассное училище министерства народного просвещения	100-150	300-500	-
Начальная школа Уссурийского казачьего Войска	-		100-120

Источник: [2, с 127–133; 11, с. 5–6].

век – 600 рублей в год, только 3 учителя получали соответственно 520, 640 и 720 рублей" [1, с. 295].

За прошедшие годы размер учительского жалования остался прежним. Дифференциация учительской зарплаты (от 160 до 780 рублей в год) зависела от "среднего срока службы", "образовательного ценза", типа школ и др.

В 1900-е гг. в крае "насчитывались единицы учащихся, бесценно трудящихся на учебном поприще 10–15 лет, учителя все поголовно люди молодые, едва приступившие к делу" [24, с. 120], поэтому на дифференциацию оплаты труда "выслуга лет" влияла мало. Гораздо большее значение имел "образовательный ценз", т.е. какое учебное заведение окончил педагог. "В здешнем крае не только интеллигентный, но и просто грамотный человек весьма ценен" [1, с. 80], поэтому к занятиям допускали выпускников разных учебных заведений.

Первый разряд составляли юноши, окончившие курс обучения в церковно-учительских школах, учительских институтах и семинариях, второклассных школах, где получали специальную педагогическую подготовку. Например, учитель с. Надаровка получал 600 рублей в год (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 206-в. Л. 1-1об), два учителя школы с. Успенка (первый – окончил Казанскую, второй – Воронежскую учительскую семинарию) имели размер жалования – по 500 рублей (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 59–60). Вторую группу составляли выпускницы епархиальных училищ, женских гимназий и прогимназий. Их труд оплачивали по II-му разряду. Например, три учительницы Никольской церковно-приходской школы получали по 500 рублей каждая [2, с. 130]. Третья группа объединяет выпускников гимназий и реальных училищ. Они имели глубокие гуманитарные и математические знания, но не получили педагогического образования. Экзамен на право занять учительскую должность открывал им путь в школу; их жалование составляло от 420 до 600 рублей в год (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 65–66об, 75–76). Значительно ниже были оклады у лиц, окончивших духовные семинарии, городские и юнкерские училища. Их оклады составляли от 200 до 400 рублей в год [2, с. 127–131]. Низкий образовательный ценз имели выпускники церковноприходских школ и министерских училищ. Их жалование составляло от 150 до 200 рублей в год [2, с. 127–131]. К учительству допускали грамотных крестьян, солдат, казаков. Оплату их труда (от 30–50 до 120–180 рублей в год) устанавливали "по согласованию" [2, с. 127–131].

На всей территории страны оклад установили по одной ставке, без учёта региональной специфики. По свидетельству инспектора народных училищ Н. С. Иваницкого, материальное положение учителей Сибири и Дальнего Востока было тяжёлым. Он писал: "скудно вознаграждаем учительский труд, тяжёлые условия жизни и службы в сёлах, особенно удалённых от городов и населённых центров, расположенных в тайге и в других глухих местах" [21, с. 36]. Мнение чиновника разделял священник: "На Дальнем Востоке труд дорого ценится, благодаря отчасти дороговизне жизни, труд грамотного человека, тем более специалиста ещё выше. Чтобы привлечь в школы лучших людей, необходимо платить им больше – минимум вознаграждения, за которое может согласиться добросовестно работать учитель" [3, с. 294–295]. Оклад сельского учителя 30–60 рублей в месяц не обеспечивал "прожиточный минимум".

Д. Я. Бондарев вспоминал: "Условия учительской службы во всем крае – в Благовещенском, Хабаровском и Владивостокском школьных районах – одни и те же, т.е. 53 рубля 46 копеек в месяц для учителей, заведующих двухклассных училищ, 39 рублей с вычетом и готовой квартирой – для учителей одноклассных училищ. В церковноприходских школах учителя получают 50 и 75 рублей в месяц. На Уссурийской железной дороге и на КВЖД заведующие двухклассным училищем получают 125 рублей в месяц с готовой квартирой; заведующие одноклассным училищем и учителя школ КВЖД – 100 рублей и квартиру. В школах Уссурийской железной дороги жалование составляло 75 рублей в месяц, что вполне обеспечивает учителей и дает им возможность держать в обществе независимо, с полным достоинством" [5, с. 296, 306].

Инфляция в годы русско-японской войны повысила "прожиточный минимум" (его определяли в 300–400 рублей в год). "В силу тяжёлых условий

жизни во вновь населённом крае, чтобы найти лучших и более правоспособных учителей, есть одно надёжное средство, – увеличить им содержание до 300–400 рублей, в добавление к тем средствам, которые очень скудны" [13, с. 400]. Однако, "по местным условиям минимум учительского вознаграждения должен составлять 480–500 рублей в год, но этих средств хватит "в обрез" [15, с. 417]. Расчёты показали, что жалование следует увеличить: для школ грамоты – до 300 рублей в год, для министерских училищ – до 500 рублей в год (для одиноких учащихся), если в школе трудятся муж и жена, то заработок должен равняться 1000–1200 рублей в год; для церковноприходских школ – 600 рублей в год. Это самая минимальная плата, за которую в Уссурийском крае можно найти правоспособного и добросовестного учителя" [13, с. 400].

По заказу министерства народного просвещения, крестьянские начальники собрали сведения "О состоянии школьного дела на переселенческих участках" в 1907–1909 гг. (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 63–71об.), аналогичную работу провели во Владивостокской епархии. Выяснилось: далеко не все педагоги имели жалование в 500–600 рублей в год. "Из 116 школ края только 36 сельских учителей получили жалование от 500 до 900 рублей в год; 80 школ показали платежи значительно ниже минимальной суммы; в 43 школах учителя имеют ничтожные вознаграждения" [14, с. 271]. В 1907 г. "относительно хорошо обстоит дело в министерских училищах (100% учителей получали по 500 рублей в год), 64% учителей казачьих школ и 42% учителей церковных школ получали оклад необходимого минимума" [16, с. 456–457].

Учителя разных волостей сообщили сведения о своих зарплатах, ценах на товары и продукты в разных деревнях и сёлах края, о своих тратах за месяц.

Конкретизируем месячные расходы одиноких учителей, проживающих в Ивановской и Успенской волостях. Итак, "средние расходы составляли – на покупку обуви (4 рубля), белья (2 рубля), одежды (5 рублей 50 копеек), посуды

Таблица 3. Расходы учителей на необходимые товары и продукты (в рублях, в месяц).

Место проживания	Одинокий учитель (холостяк)	Семья учителей (родители и 3–4 маленьких детей)
Селения в приграничных волостях близь озера Ханка	45–46 рублей	53–54 рубля
Селения внутренних волостей края, в 35–40 верстах от железной дороги	21 рубль 50 копеек – 23 рубля	50–55 рублей

Источник: [15, с. 410–417].

(95 копеек). Услуги за приготовление пищи (1 рубль 50 копеек), выпечку хлеба (1 рубль 50 копеек). Не учитывались траты на почтовые марки (60 копеек), конверты (10 копеек), бумагу (30 копеек), на поездки (до 5 рублей) [15, с. 416].

Расчёты показали, что жалование с трудом обеспечивало учителей и их семьи самым необходимым.

Сравнивая цены в разных волостях, чиновники рассчитали, что "в глухих селениях края, богатых зверьём и рыбой, можно прожить и на меньшую сумму. Но в тех местностях, где дешёвые продукты, значительно дороже всё остальное, необходимое в домашнем обиходе учителя: одежда, обувь, газеты и журналы, книги, средства сообщения с городом и с волостным селом, где необходимо бывать по обязанностям службы или по хозяйственным делам" [15, с. 415–416]. Н. С. Иваницкий на основании рыночных цен на продукты и предметы первой необходимости определил годовой расход одинокого учителя начала XX в.: во Владивостокском, Никольск-Уссурийском и Ольгинском уездах – 475–590 рублей в год (360–420 рублей – на продовольствие, 100–150 рублей – на одежду, бельё и обувь, 10–20 рублей – на поездки в город). В Иманском и Хабаровском уездах Приморской области жизнь дороже, поэтому

Таблица 4. "Месячные расходы" учителей на основные товары и продукты.

Сельские учителя, работающие в школах	"Расходы" на основные товары и продукты (в рублях, в месяц)										
	Хлеб белый / черный	Мясо	Крупа (рис)	Молоко	Табак	Вино	Овощи / фрукты	Рыба	Яйца	Масло	Чай / сахар
Ивановской волости	3	6	2 ½	1 ½	2	1	1	-	-	-	-
Успенской волости	2 ½ 1 ½	8	0,5	3	2 ½	3 ½	1–0,5	0,5	1 ½	1 ½	2 ½

Источник: [15, с. 410–417].

годовой расход одинокого сельского учителя составлял 550–680 рублей в год (420–480 рублей – на продовольствие, 100–150 рублей – на одежду, обувь и бельё, 30–50 рублей – на поездки в город). В целом, доходы преподавателей низших школ едва обеспечивают необходимый прожиточный минимум" [21, с. 30–31].

Ответы на вопрос "Анкеты", разосланной по школам в 1902 г., о порядке получения жалования, выявили сложную проблему: порядок получения денег. Казённые средства для оплаты труда учителей министерских училищ поступали на банковский счет и далее распределялись по школам инспектором народных училищ (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 418. Л. 31–33об). Учителя городских школ получали зарплату практически без задержек, но доставить деньги в отделённые таёжные деревни, где не было почты или торговой лавки, было затруднительно. Одна группа сельских учителей сообщила: "деньги получаем через пристава, но не всегда своевременно, иногда через месяц после 20 числа, что ставит в крайне неудобное положение" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 59–60). Другие учителя писали, что "получают своё жалование раз в год, от Инспектора" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 75–76об). Третьи жаловались, что "деньги получают через волостного старшину или волостное правление, но аккуратность не может считаться похвальной" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 65–66об).

Учителя казачьих школ сообщили, что "жалование, которое идет из сумм Уссурийского казачьего войска, высылается Войсковым Правлением исправно через почту, задержек не было" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 92об–93). Помощникам учителя "деньги выплачивали из общественных сумм, жалование выдается неисправно, но иногда приходится ждать 2–3 месяца, задержка за неимением средств в наличности" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 93).

Самая тяжёлая ситуация наблюдалась в школах Св. Синода, открытых в отдалённых и малолюдных деревнях края. "Сами учителя, в учебное время не имели возможность выезжать за получением оного в город. Училищный совет не высылает жалования учителей на места их служения, если не доверит кому-либо получить его. Бывали случаи, когда учащие церковных школ просили выслать им жалование через доверенности на посторонних лиц. Ныне они просят того не делать, так как практикуемый способ получения жалования вводит их в расход за услугу, доверенные лица иногда и вовсе оставляли их без жалования" [4, с. 60]. Перед сельским учителем стоял выбор: либо ежедневное выживание без копейки в кармане, либо ежемесячное прозябание на скудном содержании, "не зная дня и часа, когда сжалются над ним и отдадут его "горькие гроши", либо вовсе остаться без денег по вине доверенного "мошенника" или "выпивохи".

Несвоевременная выплата жалования унижала дважды. Во-первых, "бедность", поскольку ничем, как своим трудом учитель не мог добыть средства к существованию. "Если терпеть нищету одному – дело привычное, то как быть с родными и близкими" [4, с. 61]. Один педагог рассказывал: "40–50 рублей в месяц, по-здешнему, ничтожная сумма, да еще ждать пождать её полгода. Может бедняга должен помогать из своего бюджета престарелой матери или малышам братьям и сёстрам. Ведь учителя покидают родину, едут на лучший оклад, чтобы поддержать кого-либо из своей семьи, а тут обман" [10, с. 2]. Во-вторых, "кабала", поскольку учителя были вынуждены просить средства в долг. Кредитором выступал местный лавочник, снабжавший продуктами, крестьяне, кормившие с отсрочкой оплаты. Унизительное положение "просильца" влияло на статус и репутацию учителя в крестьянском обществе негативно, "роняло их достоинство среди темного люда" [4, с. 60]. Упоминалось, что кредиторы прилюдно "совестили должника", приходили в класс требовать возврата долга. Для защиты сельских учителей от такого унижения, Епархиальный Училищный совет разрешил "высылать жалование учителей церковных школ на места их служения через приходских священников. В случае задержки денег, заведующим позволялось выдать учителю ссуду под жалование из церковных сумм, но такая мера временная, так как иногда в церкви нет свободных сумм" [4, с. 61]. Итак, недовольство вызывали размер жалования и порядок его выплаты.

В начале XX в. появились феномены "кочующий учитель" и "бегство со службы". "Подождёт учитель жалования несколько месяцев, за это время его прошигуют со всех сторон кредиторы до самых крайних пределов терпения, тотчас соберётся и покуда его и видели" [9, с. 8]. Жалование платили только за службу в течение учебного года, поэтому на каникулах учителя искали способ подработать. Газета "Владивосток" писала: "наступили каникулы, учителя с действительно педагогической подготовкой, а не доморощенные сапожники, бегут в города. Очень соблазнительно каждому ведомству у нас переманить к себе служащего с солидной подготовкой" [12, с. 7].

Примеров "бегства учителей из школы" много: приехал в Никольскую церковноприходскую школу учитель на 600 рублей годового содержания, при готовой квартире, стороже и отоплении; он сразу же убедился, что эта сумма, по его личным и местным условиям – мала, через три месяца он уже служил в канторе Уссурийской железной дороги, с жалованием 900 рублей при тех же остальных условиях, сверх того при меньшем количестве труда и нравственной за него ответственности [1, с. 81]. Отток правоспособных учителей наблюдался и в министерских училищах. Отработав два-три месяца на спокойной, хорошо оплачиваемой должности, учитель задумывался: "Не поменять ли интересный, полезный и зачастую близкий их сердцу труд на мёртвую канцелярщину, лишь бы иметь возможность лучше обеспечить себя, пользоваться чтением книг и газет, быть в обществе себе подобных, получать хоть изредка, доступное развлечение" [10, с. 2].

Поработав на каникулах на хорошо оплачиваемой должности, учитель стремился сохранить за собой это место и на период учебного года. Крестьяне рассуждали об опасности "учительских подработок": "Вернувшись с хорошо оплачиваемой должности, будут ли учителя с тою же любовью к делу и детям служить в деревне, как ранее? Не сбегут ли ещё в середине учебного года?" [12, с. 2]. О том, как такие настроения мешали школьному делу, можно судить на следующем примере: "Черниговка – богатейшее по благосостоянию и населению село в Южно-Уссурийском крае, но нет учителя, который бы всецело занимался только в школе. Настоящий учитель, занятый железнодорожным подрядом по поставке шпал, не имеет возможности предаться всецело своему прямому назначению. Крестьяне надеются, что он, наконец, откажется от учительства и оставит своё место другому. Он, вероятно, сам осознаёт невозможность служить сразу двум делам. Крестьянскому обществу следует обеспечить учителя содержанием настолько, чтобы он не имел надобности прибегать к посторонним заработкам" [7, с. 9]. Обратим внимание, что в крупных, богатых и многолюдных сёлах края (Черниговка, Шкотово, Спасское, Успенка) к началу XX в. открылись почтово-телеграфные конторы, торговые лавки и железнодорожные станции. Сельские учителя спешили занять "вакантные должности" еще до окончания учебного года. Крестьянские начальники сооб-

щали: "из Шкотова учителя не просто уходили; этот уход походил скорее на побег" [9, с. 8], "в Успенке в последние годы особенно заметно бегство сельских учителей и учительниц из сёл и деревень" [10, с. 2]. В разгар учебного года сельские школы рисковали остаться без правоспособных учителей, волей-неволей приходилось вверять школьное дело "случайным грамотеям".

Обнаружив прямую взаимосвязь между недостаточностью средств на достойное, по местным условиям, вознаграждение за учительский труд и низким профессионализмом, чиновники начали поиск путей исправления ситуации. "Необходимо увеличить вознаграждение до такой нормы, чтобы учительскую службу не покидали при первом удобном случае для другого занятия. Только в этом случае была бы не только возможность привлекать на службу в школы людей правоспособных, но и наличных учителей, можно было бы заставить серьёзнее относиться к своим обязанностям. Потеря службы для них в этом случае была бы делом не безразличным или даже невозможным" [1, с. 89].

В 1905–1909 гг. повысилось материальное положение учителей казачьих школ. В распоряжение Войскового правления ежегодно перечислялись деньги на содержание школ и её инспекцию. В 1905 г. на эти цели израсходовали 13415 рублей, в 1907 г. – 15250 рублей, в 1908 г. – цифра увеличилась до 16000 рублей, чтобы довести оплату труда заведующего двухклассной школой до 820 рублей, учителя одноклассной школы – до 500 рублей в год. В случае успешности работы учителя и в зависимости от числа лет службы в школе – повысить жалование до 700 рублей в год [16, с. 457; 17 с. 527].

Министерство народного просвещения увязало повышение учительского жалования с программой введения всеобщего начального обучения. Был принят закон "О ежегодном увеличении сметы на начальное образование" (от 3 мая 1908 г.). В нём установлено: размер учительского жалования должен быть не менее 360 рублей в год [20, с. 178]. В 1914 г. Дума одобрила закон об увеличении минимального учительского жалования до 480 рублей в год; учителя получили право на дополнительное вознаграждение. Подработку обеспечивали работа в воскресных школах, законоучительство, преподавание рукоделия, переплётного дела, заведование библиотекой. Согласно "Правилам о народных библиотеках при низших учебных заведениях Министерства народного просвещения" (1906 г.), за исполнение обязанностей заведующих библиотекам учителям назначалось дополнительное вознаграждение. Например, совмещали обязанности учителя и заведующего библиотекой учителя с. Астраханка [27, с. 15] и с. Успенка (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 2. Д. 1626. Л. 7), учительница с. Григорьевка [26, с. 22] и др. Что касается законоучительства, то священнослужители весьма неохотно уступали преподавание Закона Божия светским учителям и использовали любую возможность, чтобы вернуть монополию на законоучительство. Они следили, ходит ли учитель в храм, соблюдает ли пост, ведёт ли праведный образ жизни. В 1915 г. Епархиальный Училищный совет постановил: "по донесению церковно-школьной инспекции, лишать жалования тех законоучителей, которые за год без уважительных причин пропустили треть уроков" [19, с. 396]. Поэтому народные учителя аккуратно исполняли свои обязанности. Например, о законоучителе из с. Майхе писали: "получает жалование и уроков из-за жалования не пропускает" (РГИА ДВ Ф. 62. Оп. 1. Д. 33. Л. 38–42). Такие меры помогли поднять материальный уровень учителей министерских училищ.

По мнению Св. Синода, "увеличить вознаграждение учителей без помощи населения невозможно" [14, с. 271]. Но далеко не все сельские общества, из-за малолюдности и бедности могли доплачивать учителям за труд. Если корейские общества отпускали дополнительные средства: в Кроуновке (400 рублей), в Сидими (300 рублей), в Тизинхе (700 рублей: 400 рублей – учителю, 300 рублей – учительнице), в Адими (1100 рублей: по 400 рублей двум учителям, 300 рублей – учительнице) в год; то в русских селениях ежегодно доплачивали учителям по 300 рублей в год к казённому жалованию лишь в Черниговке и в Спасском [14, с. 272]. Обычно сельские общества для дополнительного жалования предлагали учителям исполнять обязанности писаря, псаломщика, регента церковного хора.

Проведенное исследование выявило неравномерность в оплате труда сельских учителей начала XX в. Разница объяснялась образовательным цен-

зом, доплатами к учительскому жалованию, финансовыми возможностями сельских обществ. Недостаточное материальное положение вынуждало учителей искать более высокооплачиваемые должности и покидать школу. Чиновники разных ведомств стремились удержать на службе правоспособных и опытных учителей, искали способы повышения их жалования через доплаты и повышение окладов. Размер жалования постепенно повышался, но начавшийся летом 1914 г. Первая мировая война прервала эту тенденцию.

Влияние войны ощутили даже в таком глубоком тылу, как Дальний Восток. С первых дней войны начался рост цен на некоторые товары и продукты. По мере активизации боевых действий, возрастал поток военных грузов, с которыми Транссибирская магистраль не справлялась. Осенью 1914 г. начались перебои в доставке продуктов и товаров жизненной необходимости.

Администрация контролировала ситуацию, вводя фиксированные цены, регулируя правила торговли и закупок продовольствия. Но это не остановило быстрого обнищания населения. Сократилось и реальное жалование учителей.

Война негативно отразилась на размерах финансовой помощи государства народному просвещению. Осенью 1914 г., на 2/3 (от сметы 1913 г.) был сокращен кредит, выделенный по программе всеобщего начального образования (РГИА Ф. 733. Оп. 186. Д. 2123. ЛЛ. 11-12). Начались задержки с выплатой жалования и доплат за выслугу лет. По Закону от 7 июля 1913 г. планировали в 1914–1917-е гг. осуществить казенные доплаты к зарплатам учителям (по 60 рублей в год за каждые пять лет службы) [21, с. 70]. Но, в 1914 г. успели выплатить прибавки педагогам, прослужившим 20 и более лет; прибавки к жалованию учителям за 10 и 15-летний стаж отсрочили до 1915–1916 гг. Не приходилось рассчитывать и на помощь органов местного самоуправления. Сельские общества были вынуждены отказывать учителям в уплате "ежемесячных вознаграждений" по причине отсутствия средств и "дороговизны жизни".

С началом войны активизировали свою деятельность благотворительные общества. Собранные деньги, вещи и продукты они передавали в фонд помощи "лицам, пострадавшим от боевых действий": раненым, вынужденным переселенцам, беженцам, семьям мобилизованных нижних чинов и др. В таких условиях учителя не могли претендовать на пособия и дотации. Уровень их жизни оставался скромным, позволяя удовлетворять лишь самые элементарные потребности. Они вынуждены мирились с тяжелыми условиями жизни, ожидали окончания войны, с чем связывали улучшение своего материального положения.

Литература

1. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15–31 июля.
2. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15 сентября.
3. Благовещенские епархиальные ведомости. 1902. 15 июля.
4. Благовещенские епархиальные ведомости. 1910. 1 февраля.
5. Бондарев Д. Я. Далёкая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции. Выпуск 3. / Отв. ред. О. Б. Лынша, И. В. Пчела. Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
6. Вепринцев Т. А. Материальное положение учителей и врачей в Российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Серия. История. Исторические науки. Тула, 2013. С. 157–167.
7. Владивосток. 1898. 28 июля.
8. Владивосток. 1898. 28 ноября.
9. Владивосток. 1899. 25 июля.
10. Владивосток. 1902. 3 февраля.
11. Владивосток. 1902. 10 февраля.
12. Владивосток. 1902. 12 мая.
13. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
14. Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 июня.
15. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 декабря.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 15 декабря.

17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 ноября.
19. Владивостокские епархиальные ведомости. 1915. 15 июля.
20. Всеобщее обучение и земство. / Сост. П. Чижевский. СПб.: Лига образования, 1910. 188 с.
21. Зубков И. В. Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Хронограф, 2010. 528 с.
22. Иваницкий Н. С. Нужды народного образования в Приамурском крае. Выпуск XIX. Хабаровск, 1914. 99 с.
23. Казакова О. М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Киров, 2009. 24 с.
24. Камчатские епархиальные ведомости. 1898. 15 сентября.
25. Литвинова С. В. К вопросу о материальном положении Дальневосточного сельского учителя в 20-е гг. XX в. // VII Дальневосточная конференция молодых историков / Сборник материалов / Ред. М. Б. Сердюк. Владивосток: изд-во ДВГУ, 2002. С. 57–60.
26. Лынша О. Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг.: Монография. Владивосток: ДВФУ. Школа педагогики, 2018. 292 с.
27. Памятная книга Приморской области на 1905. -Владивосток, 1905. 129 с.
28. Позняк Т. З. Преподавательский состав учебных заведений и уровень жизни учителей городов Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XIV Международной научно-методической конференции. Уссурийск: ДВФУ, 2012. С. 12–18.
29. Ткаченко Д. А. Повседневное положение учителей Южно-Уссурийского края конца XIX – XX вв. // Уссурийские чтения: сборник работ участников IV Уссурийских краеведческих чтений (9-10 октября 2012). Уссурийск, 2013. С. 74–80.
30. Филоненко Т. В., Шипилов А. В. Материальное положение учителей дореволюционной России // Педагогика. 2004. № 7. С. 65–75.
31. Черкасова Н. Н. Повседневная жизнь земских учителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Курск, 2006. 24 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 15–31 iyulya.
2. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 15 sentyabrya.
3. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1902. 15 iyulya.
4. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1910. 1 fevralya.
5. Bondarev D. YA. Dalyokaya okraina. (Moi vospominaniya) // Problemy istorii obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii: materialy nauchnoj konferentsii. Vypusk 3. / Otv. red. O. B. Lynsha, I. V. Pchela. Ussurijsk: izd-vo DVFU (filial v g. Ussurijske), 2013. S. 292–311.
6. Veprintsev T. A. Material'noe polozhenie uchitelej i vrachej v Rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vekov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Seriya. Istoriya. Istoricheskie nauki. Tula, 2013. S. 157–167.
7. Vladivostok. 1898. 28 iyulya.
8. Vladivostok. 1898. 28 noyabrya.
9. Vladivostok. 1899. 25 iyulya.
10. Vladivostok. 1902. 3 fevralya.
11. Vladivostok. 1902. 10 fevralya.
12. Vladivostok. 1902. 12 maya.
13. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1903. 15 sentyabrya.
14. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1906. 15 iyunya.
15. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 1 dekabrya.
16. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 15 dekabrya.
17. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1908. 1 oktyabrya.
18. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1908. 1 noyabrya.
19. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1915. 15 iyulya.
20. Vseobshhee obuchenie i zemstvo. / Sost. P. CHizhevskij. SPb.: Liga obrazovaniya, 1910. 188 s.
21. Zubkov I. V. Rossijskoe uchitel'stvo. Povsednevnaya zhizn' prepodavatelej zemskikh shkol, gimnazij i real'nykh uchilishh. 1870–1916. M.: KHronograf, 2010. 528 s.
22. Ivanitskij N. S. Nuzhdy narodnogo obrazovaniya v Priamurskom krae. Vypusk XIX. KHabarovsk, 1914. 99 s.
23. Kazakova O. M. Provintsial'noe uchitel'stvo v XIX – nachale KHKH v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kirov, 2009. 24 s.
24. Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti. 1898. 15 sentyabrya.

25. Litvinova S. V. K voprosu o material'nom polozhenii Dal'nevostochnogo sel'skogo uchitelya v 20-e gg. KHKH v. // VII Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov / Sbornik materialov / Red. M. B. Serdyuk. Vladivostok: izd-vo DVGU, 2002. S.57–60.
26. Lynsha O. B. Istoriya obrazovaniya v Nikol'ske-Ussurijskom. 1882–1922 gg.: Monografiya. Vladivostok: DVFU. SHkola pedagogiki, 2018. 292 s.
27. Pamyatnaya kniga Primorskoj oblasti na 1905. -Vladivostok, 1905. 129 s.
28. Poznyak T. Z. Prepodavatel'skij sostav uchebnykh zavedenij i uroven' zhizni uchitelej gorodov Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vv. // Problemy slavyanskoj kultury i tsivilizatsii: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferentsii. Ussurijsk: DVFU, 2012. S.12–18.
29. Tkachenko D. A. Povsednevnoe polozhenie uchitelej YUzhno-Ussurijskogo kraja kontsa XIX – KHKH vv. // Ussurijskie chteniya: sbornik rabot uchastnikov IV Ussurijskikh kraevedcheskikh chtenij (9-10 oktyabrya 2012). Ussurijsk, 2013. S. 74–80.
30. Filonenko T. V., SHipilov A. V. Material'noe polozhenie uchitelej dorevolyutsionnoj Rossii // Pedagogika. 2004. № 7. S. 65–75.
31. SHERKASOVA N. N. Povsednevnyaya zhizn' zemskikh uchitelej rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kursk, 2006. 24 s.

Пчела И. В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в 1900–1914 гг.

Автор изучил материальное положение учителей сельских школ Приморской области в 1900–1914 гг. Статья написана на материалах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Автор собрал данные о размере заработной платы и порядке её получения, сравнил уровень жизни учителей разных типов школ и пришел к выводу, что уровень и качество жизни сельских учителей постепенно повышались.

Ключевые слова: материальное положение, заработная плата, учительское жалование, выплаты, долги

Pchela I. V. The economic conditions of teachers of rural schools in the Primorsky region in 1900–1914.

Author studied economic conditions of teachers that worked in rural schools in 1900–1914 years. The article was written on materials of the Russian State Historical Archive of the Far East. The author studied the salary and the procedure for its receipt, compared the standard of living of school teachers of different types and came to the conclusion that the level and quality of life of rural teachers are gradually increasing.

Key words: economic conditions, salary, teacher's salary, payments, debts

Для цитирования: Пчела И. В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85

For citation: Pchela I. V. The material position of teachers of rural schools of the Primorsky region in the end XIX - beginning of XX century // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 3. P. 76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85

